

Гордей ЯСТРЕБОВ

Характер стратификации российского общества в сравнительном контексте: от «высоких» теорий к зрелой реальности

Как ни странно, несмотря на немалый опыт в изучении социального расслоения, накопленный как отечественными, так и зарубежными учеными, сегодня по-прежнему не существует консенсусных концепций, способных объяснить зачастую разнонаправленные процессы трансформации социальных иерархий в постсоциалистических обществах. В то же время в сложившейся практике международных сравнительных исследований, в том числе с участием постсоциалистических стран, в качестве конвенциональных (и, как правило, претендующих на универсальность) используются концепции и методы, разработанные западными социологами для описания структуры неравенства, прежде всего, в обществах западного типа. Существенным ограничением подобных подходов является то, что они *a priori* не позволяют выявить специфические институционально обусловленные формы неравенства, основанные на принципиально ином типе социально-экономических отношений.

В то же время, через два десятилетия после начала реформ, которые охватили страны Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР, на фоне убедительных успехов «модернизационных» проектов в Чехии, Словении, Польше, Венгрии и Словакии становится очевидным, что в России (как и в ряде стран СНГ) так и не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики, демократии и гражданского общества. Наоборот, сегодня все чаще звучат мнения о том, что в нашей стране в той или иной форме воспроизводятся структуры и институты, которые являются характерными для азиатских неправовых режимов, но никак не для развитых западных обществ¹. В свою очередь, подобное

своеобразное сочетание современных и в каком-то смысле антимодерных институтов находит свое отражение в стратификационной системе общества в форме переплетения характерных для прежнего режима элементов сословной иерархии с элементами классовой дифференциации, задаваемой владением собственностью и различиями по месту на рынке. Однако если принять подобное утверждение в качестве гипотезы, очевидно, что в такой постановке разработанные преимущественно в западной социологии концепции и используемые ими для описания неравенства категории становятся не вполне адекватными, если вовсе недостаточными, для более глубокого осмысления модели неравенства, которая сложилась в России.

В 1990-е годы наша страна, следуя в общем русле постсоциалистических трансформаций, охвативших Центрально-Восточную Европу, развернулась лицом к капиталистическому миру и с воодушевлением принялась за внедрение в экономику элементов рынка и частной собственности. Последовавшие преобразования в экономической сфере привели, как и следовало ожидать, к значимым изменениям в социальной структуре российского общества и, в частности, к возникновению класса собственников и предпринимателей.

Некоторые аналитики справедливо сравнивают начавшийся в те годы процесс приватизации с первоначальным накоплением капитала², в ходе которого отдельные категории граждан в стремлении обеспечить себя богатством и собственностью порой не считались не только с законами, но и с человеческими судьбами. Удивительное сходство происходивших в России событий с процессами, некогда имевшими место в раннебуржуазных обществах Европы и Америки, хотя и было обескураживающим, все же давало повод надеяться на прохождение страной «ускоренного курса» капиталистического развития, в результате которого будет осуществлен переход к новому типу отноше-

¹ Напр.: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система как попытка понимания русской истории // ПОЛИС. 2001. №4; Пастухов В.Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // Общественные науки и современность. 2006. №2; Шкаратан О.И. Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. 2010. №3. и др.

² Напр.: Ильин В.И. Модели классовообразования в посткоммунистическом мире // Мир России. 2008. №2.

ний. По крайней мере, таковы были ожидания идеологов реформ и инспирированных ими российских реформаторов¹.

Переход к новому типу отношений означал и переход к новому типу неравенства. На смену советскому сословно-корпоративному обществу² должно было прийти свободное рыночное, в котором социальный статус и благополучие в большей степени зависят от индивидуальных усилий, чем от унаследованных привилегий. Но это в теории — а произошло это на самом деле или нет, предстоит разобраться.

Последняя из наиболее бурных дискуссий, связанных с осмыслением социальных неравенств в современных обществах, состоялась в 2002 г. В одном из ведущих европейских журналов *Acta Sociologica* два американских социолога К. Уиден и Д. Груски опубликовали довольно смелую статью³, основной пафос которой был направлен, как это ни парадоксально, как против постмодернистов с их концепцией «классовой смерти»⁴, так и против сторонников традиционного (неомарксистского и неовейберрианского) классового анализа⁵. Спор зашел вокруг предложенной американцами модели социальных классов на основе профессиональных групп (*occupational groupings*). При этом переход к такому дезагрегированному уровню анализа от «больших» социальных классов мо-

тивировался тем, что именно на этом уровне исследователи могут схватить «реальные» различия в образе жизни, ресурсном обеспечении и поведении, которые являются функцией локальных профессиональных субкультур.

Груски и Уиден упрекают своих коллег за то, что они, как правило, оперируют в своем анализе укрупненными категориями («менеджеры», «работники умственного труда», «рабочие» и т.п.), которые в эмпирических исследованиях имеют мало общего с реальностью и, в сущности, являются номинальными социальными группами. Аргументируя «реальность» группировок, получаемых на основе близких по характеру и содержанию занятий, они исходят из факта институционализированности профессии, т.е. ее встроенности в социальную структуру общества, что на уровне реального наблюдения проявляется в деятельности различных профессиональных ассоциаций, существовании гласных и негласных кодексов или профессиональной этики, активности социальных движений, преимущественно идентифицируемых по профессиональным признакам (вспомнить хотя бы участвовавшие в последнее время в Европе выступления врачей, учителей, работников транспорта и т.д.). Кроме того, авторы отмечают, что профессия (или специальность) остается одним из главных социальных идентификаторов для работников. Категории профессий прочно укоренились в структуре индустриального общества, в то время как агрегированные классы представляют собой лишь абстрактные конструкторы, понятные исследователям, но являющиеся «пустым звуком» как для простого обывателя, так и для самих работников.

Но идея редукции классов до профессиональных групп была воспринята скептически, поскольку с точки зрения представителей неоклассических направлений (таких как Дж. Голдторп, Э.О. Райт и др.) при таком дезагрегированном подходе теряется взгляд на общество как некую целостность. Это и является, в сущности, ядром классового анализа и определяет рамку, сквозь которую интерпретируется поведение и реакции общественных масс на происходящие в обществе метаморфозы в процессе его развития.

Однако, несмотря на последовавшую довольно острую критику, в одной из своих последних работ в 2006 г. Груски и Уиден предприняли очередную попытку в общих чертах очертить свой подход к решению задачи изуче-

¹ Гайдар Е.Т. Постсоциалистический кризис и восстановительный рост / Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.

² В терминологии немецкого социолога В. Теккенберга, активно занимавшегося изучением социальной структуры советского общества — *Teckenberg W. The Social Structure of the Soviet Working Class. Toward an Estimatist Society? // International Journal of Sociology (special issue). 1982. №4.*

³ Статья, спровоцировавшая дискуссию: *Grusky D.B., Weeden K.A. Decomposition Without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis // Acta Sociologica. 2001. №3. Сама дискуссия: Goldthorpe J.H. Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda // Acta Sociologica. 2002. №3; Scott J. Social Class and Stratification in Late Modernity // Acta Sociologica. 2002. №1; Birkelund G.E. A Class Analysis for the Future? Comment on Grusky and Weeden: 'Decomposition without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis' // Acta Sociologica. 2002. №3; Therborn G. Class Perspectives: Shrink or Widen? // Acta Sociologica. 2002. №3. и др.*

⁴ Например: *Pakulski J., Waters M. The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society // Theory and Society. 1996. №5; Pakulski J., Waters M. The Death of Class. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1996. P.3.*

⁵ Например: *Wright E.O. Foundations of a Neo-Marxist Class Analysis / Wright E.O. (Ed.) Approaches to Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Goldthorpe J.H. Social Class and the Differentiation of Employment Contracts / Goldthorpe J.H. On Sociology. Vol. II. Stanford: Stanford University Press, 2007 и др.*

ния реального социального неравенства¹. Они еще раз постулируют, что отправной точкой развития новых, более адекватных социологических моделей классового неравенства должно стать переосмысление многокритериальности класса как теоретического конструкта. В представлении американских авторов — это набор институализированных «решений» в многомерном пространстве, внутри которого индивидуальные различия относительно невелики, т.е. сами классы являются однородными социальными образованиями. Так, современный рабочий класс в Америке, приводят пример Груски и Уиден, включает в себя работников со средним образованием, определенным минимумом профессиональной подготовки, средним доходом, относительно небольшим уровнем социального престижа и довольно крепким здоровьем. С другой стороны, для представителей низших слоев общества характерны низкий уровень образования, ограниченные возможности обучения по месту работы, неравномерная занятость, невысокий доход и неудовлетворительное здоровье (т.е. нестабильная занятость, как правило, сопряжена с отсутствием медицинской страховки). Аналогичным образом могут быть охарактеризованы и прочие социальные группы.

С другой стороны, использование в качестве основы для выделения классов какого-то единого критерия (например, только дохода) было бы неверно, также как было бы неверно использовать для выделения классов некий интегральный показатель, сочетающий в себе информацию о нескольких аспектах классовой ситуации. Последнее, по мнению авторов, безусловно, поскольку шкалы, отражающие разные аспекты неравного положения, обязательно коррелируют друг с другом.

Таким образом, Груски и Уиден предлагают рассматривать социальный класс как некую синтетическую категорию, способную вместить в себя весь спектр социальной и экономической информации о своих типичных представителях. Класс, по их мнению, должен служить комплексным измерителем условий жизни, который достаточно емко описывает такие релевантные характеристики, как характер и содержание труда, стили и объемы потребления, карьерные перспективы, индивидуальные способности и здоровье, уровень образования и т.д. Таким образом, исследователи получают в свои

руки инструмент, где вся сложность многомерного пространства выражена в определенных наборах структурных характеристик на основе *реальной*, т.е. институционализированной классификации, а не гипотетической или номинальной.

Впрочем, справедливости ради необходимо отметить, что позиция американских авторов является не столь уж оригинальной в свете вопросов и подходов, которые активно обсуждались в 1960-е — начале 1970-х гг. советскими социологами². Тогда в противовес официальной доктрине об эгалитарном строении советского общества исследователи активно выдвигали сложные концепции социального неравенства и доказывали невозможность сведения его социальной структуры к примитивной формуле «два класса + интеллигенция». Т.е. фактически признание «равенства» социалистического общества подстегнуло отечественных социологов к поиску методов и процедур, позволяющих выявить реальный набор относительно однородных социальных групп, состоящих из людей с более или менее близкими, сходными характеристиками.

Однако при всем многообразии методов, которые использовались советскими социологами, все их объединяет концептуализация неравенства на основе предположения о существовании реальных социальных групп или, другими словами, признании того, что размещение индивидов в системе существующих социально-экономических позиций заведомо неслучайно. В свою очередь, эта неслучайность на уровне эмпирического наблюдения проявляется в свойствах а) внутренней однородности складывающихся реальных социальных групп и б) их неравенства по сущностным для данного общества характеристикам, определяющим взаимное расположение этих групп в системе социальных отношений. Так, например, не без оснований в западной социологии в качестве *критерия «реальности» групп*, получаемых на основе той или иной теоретической схемы,

¹ Grusky D.B., Weeden K.A. Does the Sociological Approach to Studying Social Mobility Have a Future? / Morgan S.L., Grusky D.B., Fields G.S. (Eds.). *Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics*. Stanford: Stanford University Press, 2006.

² Гордон Л., Терехин А., Сиверцев М. Выделение социально-демографических типов методами кластер-анализа и определение их связи с типами поведения / Рабочий класс, производственный коллектив, научно-техническая революция (некоторые проблемы социальной структуры). Материалы ко II Всесоюзной конференции по проблеме: «Изменение социальной структуры советского общества». М.: АН СССР, 1971; Загоруйко Н.Г., Заславская Т.И. (ред.). Распознавание образов в социальных исследованиях. Новосибирск: Наука, 1968; Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование). М.: Мысль, 1970; Таранов И.Н., Шкаратан О.И. Исследование социальных структур методом энтропийного анализа // Вопросы философии. 1969. №5 и др.

принят так называемый *критерий конструктивной валидности*. Смысл этого критерия заключается в способности соответствующих эмпирических проекций объяснять те эффекты, которые приписываются социальным классам (или группам) на концептуальном уровне¹.

Двойственный характер стратификации в современной России. Выход на концепцию реальных социальных групп в предшествующем повествовании не является случайным. Сегодня становится все более очевидным, что трансформационные процессы в России идут не по ожидаемому пути складывания буржуазного общества западного типа, а по какой-то иной, до конца не ясной траектории. В связи с этим все чаще возникают сомнения в реальности тех социальных групп (слоев, классов), которыми оперирует большинство современных исследователей, опираясь на свои теоретические конструкции и на реалии развитых демократических стран с устоявшейся стратификационной иерархией классового типа.

Успешность послевоенного развития капиталистических стран Европы и США предопределила симпатии большей части научного сообщества не только к социологическим теориям, но и к модернизационным проектам, в рамках которых эталоном развития провозглашались все те же развитые страны. Атлантический капитализм с присущей ему особой структурой социальных и экономических отношений, основанных на институциональной триаде «рынок — частная собственность — демократия», рассматривался большинством идеологов постсоциалистической реформации как идеал, к которому необходимо стремиться. Однако, несмотря на последствия этих реформ, которые для большинства постсоциалистических стран сегодня со всей очевидностью можно считать катастрофическими, анализ развития и динамики этих обществ по-прежнему осуществляется с точки зрения их относительного соответствия/несоответствия западным образцам.

При этом, что характерно, культурная принадлежность и историческая обусловленность институтов, в значительной степени форми-

рующие социальную органику конкретных обществ, до недавнего времени рассматривались этими идеологами как второстепенные (если не вовсе как ничтожные) факторы, обуславливающие «адаптационный потенциал» трансформирующихся постсоциалистических стран. Неудивительно, что принятие такого одностороннего подхода к оценке и анализу социального неравенства в соответствующих обществах зачастую влечет за собой проблемы интерпретационного характера. Отсюда, в частности, берут начало столь острые и многочисленные дискуссии по поводу статусных рассогласований и содержания такого понятия, как «средний класс» применительно к трансформирующимся странам.

С другой стороны, маргинальный характер социально-экономической дифференциации в ряде стран бывшего социалистического лагеря Европы перестает выглядеть аномалией в рамках подхода, предполагающего историческую обусловленность процессов общественного развития².

В одной из современных вариаций этого подхода, рассматриваемой, в частности, О.И. Шкаратаном, в специфическом социально-экономическом порядке, который сложился внутри «евразийской цивилизации» и стал параллельной ветвью капиталистической индустриально-экономической системы, и социальное неравенство, и весь строй социально-групповых отношений, и стратификационная иерархия также носят специфический характер. Этот социально-экономический порядок был охарактеризован О.И. Шкаратаном как *этакратический* (дословно — власть государства — от франц. и греч.)³. Первоначально данная концепция была введена им как наиболее точная характеристика системы отношений, сложившихся в советском обществе. Это позволило отделить подлинный социализм от тоталитарного режима эксплуатации населения собственным государством. Однако позднее этакратизм стал рассматриваться как самостоятельная и в то же время параллельная ветвь исторического развития современного индустриального общества со своими собственными законами функционирования.

¹ Например: Goldthorpe J.H. Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda // Acta Sociologica. 2002. №3. P. 214; Bergman M.M., Joye D. Comparing Social Stratification Schemas: CAMSIS, CSP-CH, Goldthorpe, ISCO-88, Treiman, and Wright. Cambridge: 2001; Grusky D.B., Weeden K.A. Does the Sociological Approach to Studying Social Mobility Have a Future? / Morgan S.L., Grusky D.B., Fields G.S. (Eds.). Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics. Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 85–108 и др.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М.: Алгоритм, 2003; Spengler O. The Decline of the West. An Abridged Edition. New York: Oxford University Press, 1991; Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996 и др.

³ Шкаратан О.И. Этакратизм и российская социальная система // Общественные науки и современность. 2004. №4. С. 49–62.

Центральными институтами, определяющими способ производства в этакратическом обществе и, как следствие, особую систему социальных отношений, являются институты распределения и государственной собственности на средства производства¹. Эту же систему нередко называют стейтизмом или этатизмом. В частности, отличая капиталистические общества от стейтистских, американский социолог Мануэль Кастельс пишет, что эти последние ориентированы «на максимизацию власти, т.е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата, навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания». При этом контроль над экономическим излишком являлся внешним по отношению к экономической сфере, поскольку он находится в руках обладателей власти в государстве².

Наряду с другими исследователями и мыслителями³ О.И. Шкаратан утверждает, что исторические корни советского этакратизма (и российского неозэтакратизма⁴) уходят в многовековую историю страны — носительницы евроазиатской цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка и правового государства⁵.

Специфика социально-культурного пространства России по сравнению с Западной Европой подчеркивалась многими другими историками. В частности, отрицалось существование в средневековой России феодализма⁶. Более того, по мнению П.Н. Милюкова, аграрная революция начала XX в. вернула ситуацию к историческим архетипам служилого государства со свойственным ему огосударствлением земельного ресурса, полным растворением частного права в публичном. На этой основе стало возможным фактическое восстановление

квзисословной системы, закрепощение сословий государством, формирование в СССР особого служилого слоя — номенклатуры.

Таким образом, несмотря на взаимодействие с другими системами, столетиями внутри этого крайне устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде воспроизводилась сословная иерархия. Эта иерархия применительно к царской России была четко охарактеризована известным русским историком В.О. Ключевским. В сословной системе группы различаются юридическими правами, которые, в свою очередь, жестко связаны с их обязанностями и находятся в прямой зависимости от этих обязанностей. Они же являются основой дифференциации. Причем, под обязанностями имеются в виду обязательства перед государством, закрепленные в законодательном порядке. Способом детерминации различий между сословиями является, таким образом, их правовое оформление, которое представляет собой, в первую очередь, юридическое, а не этническо-религиозное или экономическое деление. Принадлежность к сословию передается по наследству, но не строго, что способствует относительной открытости данной системы⁷.

Примерно в этом же ключе оценивает социальную структуру сегодняшней России С.Г. Кордонский⁸. Особенность его работы состояла в том, что он дополнил исторический материал тщательным анализом современных нормативных и законодательных документов, регламентирующих отношения не только внутри сложного бюрократического аппарата, но и отношения между чиновниками различного уровня и населением. В итоге С.Г. Кордонский приходит к выводу, что в современной России, как и прежде, распределение материальных выгод и благ между представителями различных социальных групп во многом зависит от степени их включенности в корпоративные государственные структуры, умения взаимодействовать и находить «общий язык» с чиновниками разных уровней. Резюмируя, он пишет, что «сословия — а не классы — в России были, есть и в предвидимом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры»⁹.

В то же время, принимая во внимание общность социально-технологических оснований

¹ Исчерпывающий перечень см. там же, с. 50.

² *Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Rise of The Network Society. Cambridge, Oxford: Blackwell Publishers, 2010. P. 16.*

³ *Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990; Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система как попытка понимания русской истории // ПОЛИС. 2001. №4. С. 37-48; Пименов А.В. Дряхлый Восток и светлое будущее // Мир России. 1999. №1-3.*

⁴ *Шкаратан О.И. Тип общества, тип социальных отношений. О современной России // Мир России. 2000. №2. С. 63-108; Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Российское неозэтакратическое общество и его стратификация // Социологические исследования. 2008. №11. С. 40-50.*

⁵ *Шкаратан О.И. Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. 2010. №3. С. 32.*

⁶ *Черникова Т.В. Средневековое землевладение и проблема феодализма в русской истории // Общественные науки и современность. 2005. №5-6.*

⁷ *Ключевский В.О. История сословий в России. Полный курс лекций. М.: Харвест, 2004.*

⁸ *Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.*

⁹ Там же, с. 37.

всех позднеиндустриальных и постиндустриальных (информационных обществ), мы не отрицаем существования в современных обществах этакратического типа классово дифференциации, основанной на частной собственности, рыночных отношениях и разделении труда. Современный технико-технологический порядок, который объединяет все сосуществующие в современном мире цивилизации, порождает профессионально-квалификационное разделение труда, выраженное в системе профессий и занятий. Последние имеют два аспекта: собственно технико-технологический и социально-экономический. Социально-экономический аспект разделения труда обуславливает, с одной стороны, социально-профессиональную стратификацию, которая присуща всем обществам. С другой стороны, опосредованный рынком труда и системой реального неравенства, он служит источником формирования общественных классов в развитых западных странах.

Речь в данном случае идет о возможном сосуществовании и взаимном переплетении двух типов отношений. Степень выраженности той или иной формы этих отношений зависит от укорененности исторически сложившихся институтов, связывающих общества с различными цивилизационными системами. Эта точка зрения была ясно выражена российским социологом В.И. Ильиным, который также утверждает, что классовая дифференциация как доминирующая форма социально-экономического неравенства присуща исключительно капиталистическим системам. Классовая структура суть отображение распределения власти в соответствии с логикой рынков труда и капитала. Формирование классов является неотъемлемой частью более широкого процесса перехода (возврата) к капитализму¹.

В связи с этим применение классификаций, разрабатываемых западными социологами, сталкивается в России, по крайней мере, с двумя существенными системными ограничениями. Первое, в общем-то, универсально, и связано оно с тем, что зачастую конкретные виды экономической активности обладают меньшей исторической стабильностью, чем социальные классы, слои, к которым они принадлежат. Другими словами, социальные классы в своем воспроизводстве меняют круг «присваиваемых» ими видов занятий, сохраняя характер родов занятий.

Второе ограничение связано именно с Россией, ее специфической историей. Речь идет о связи видов и родов занятий с институциональной системой общества и социальной закрепленностью общностью ценностей и норм, передающихся от поколения к поколению. В России же мы имеем дело именно с занятиями, различающимися характером (т.е. содержанием и условиями) труда, а не качественными статусными характеристиками, выработанными корпоративностью общей принадлежности к одной профессии. Это обстоятельство, в частности, отмечается финским социологом М. Кивиненом, который скептически оценивает попытки российских исследователей обнаружить средний класс на основе профессиональной принадлежности. Действительно, современный опыт западных стран показывает, что средний класс – это, прежде всего, наиболее привилегированная группа наемных работников. Ресурсы власти нового среднего класса связаны не с собственностью, а с профессиональными навыками и стратегиями. Однако в России в советское время использование ресурсов власти, представляемых профессионализацией, было ограничено. Здесь никогда не было национального рынка по профессиональным сегментам. Профессии функционировали внутри основных бюрократических организаций. Многие профессии к тому же находились в зависимости по отношению к доминировавшей идеологии. Традиционный образ мышления и этос русской интеллигенции были далеки от профессионализма, от специализированного труда («ремесла»). Отсюда вытекает «рыхлость» социально-профессиональной структуры современного российского общества с неустойчивыми занятиями и престижем, тогда как объединение определенных «профессий» в социальные классы в подходах европейских и американских социологов основано на том, что последние сложились в западных странах как социальный институт и воспринимаются как реальные социальные группы².

Таким образом, можно предположить, что прямое сравнение стран, различающихся по типу своего социально-экономического развития, является не вполне корректным. В связи с этим принятие в качестве единственно правильной какой-либо одной из выше рассмотренных теоретических традиций к анализу стратификации означало бы не только отрицание всего отечественного опыта в изучении социального

¹ Ильин В.И. Модели классообразования в пост-коммунистическом мире // Мир России. 2008. №2.

² Кивинен М. Перспективы развития среднего класса в России // Социологический журнал. 1994. №2. С. 134-142.

неравенства в нашей стране, но и признание того, что Россия развивается в том же направлении, что и большинство развитых западных стран.

Для того чтобы усилить представленные выше аргументы, позволю себе сослаться на результаты исследования, которое проводилось нами ранее и которое было направлено на выявление наиболее значимых оснований стратификации в современном российском обществе¹. Для целей анализа были привлечены материалы представительных опросов 1994, 2002 и 2006 гг., проведенных под руководством О.И. Шкаратана. Смысл исследования состоял в том, чтобы из всего перечня параметров, по которым определяется ресурсная обеспеченность индивида, а также его положение в социальной структуре, определить те, которые оказываются статистически наиболее значимыми.

Для этих целей был применен метод энтропийного анализа, который представляет собой один из способов измерения сопряженности для n признаков без какого-либо ограничения по типу шкал. Благодаря этому оказалось возможным непредвзято подойти к решению задачи выявления группообразующих признаков, перебрав все возможные их комбинации и выявив те из них, где упорядоченность признаков оказалась максимальной².

В результате анализа, в частности, было установлено, что род занятий, лежащий в основе построения социально-профессиональных иерархий и рассматриваемый некоторыми социологами в качестве одной из основных компонент социально-классовой принадлежности, не является доминирующим источником социальных различий в современной России. Эмпирические образы групп, получаемые на основе этого признака, оказались крайне «аморфными» по своим статусным и социально-экономическим характеристикам, что, следуя выше изложенным рассуждениям, свидетельствует о незакрепленности в России профессий как социального института и слабом развитии рынка труда.

¹ Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Российское неэтакратическое общество и его стратификация // Социологические исследования. 2008. №11.

² Более подробно о самом методе, его ограничениях и преимуществах см.: Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика. 2007. №3; Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Энтропийный анализ как метод безгипотезного поиска реальных (гомогенных) социальных групп // Социологические исследования. 2009. №2.

Кроме того, вопреки некоторым представлениям о существовании в России иерархической стратификационной системы, такие объективные факторы неравенства, как индивидуальные социально-психологические качества, «заряженность» человеческими, социальными и культурными ресурсами, оказывают слабое влияние на характер размещения людей в системе существующих социально-экономических позиций.

Особенности национальной стратификации: российское общество в контексте сравнения с европейскими странами. Однако любые спекуляции вокруг специфического характера стратификации в современной России попросту лишены смысла, если не рассмотреть выше представленные факты в контексте прямого сопоставления с ситуацией в других странах. Для решения этой задачи мной были, в частности, использованы материалы опросов *European Social Survey* за 2006 г., которые сегодня доступны любому исследователю.

С учетом ранее высказанных соображений простая операциональная гипотеза для сравнительного исследования была сформулирована следующим образом: системы координат, с помощью которых адекватно описывается характер социального неравенства в развитых западных обществах, теряют свою объясняющую способность в обществах, которые в силу разных обстоятельств наиболее удалены от ядра капиталистической мир-системы (а, конкретнее, «восточных» в цивилизационной дихотомии «Запад-Восток», или «южных» — в дихотомии «Север-Юг»). Другими словами, можно рассчитывать, что полученные для соответствующих стран социальные классы окажутся менее устойчивыми и менее однородными вследствие слабости или практического отсутствия институциональных механизмов, приводящих в соответствие обладание определенными ресурсами и критерии классовой ситуации.

Модель анализа, которая лежит в основе сравнения классовых схем можно рассматривать как в известной степени традиционную для большинства сравнительных стратификационных исследований³, целью которых является критический анализ существующих классификаций и их последующее уточнение для

³ См. в частности: *Bergman M., Joye D. Comparing Social Stratification Schemas: CAMSIS, CSP-CH, Goldthorpe, ISCO-88, Treiman, and Wright.* Cambridge: Cambridge Studies in Social Research, 2001; *Leijulfsrud H., Bison I., Jensberg H. Social Class in Europe. European Social Survey 2002/3.* NTNU Social Research Ltd., 2005.

осуществления международных сравнений. Эта модель предполагает сначала конструирование «социальных классов» на основе той или иной теории, а затем их операционализацию в качестве своеобразного интегрального индикатора.

Если говорить о таких магистральных для нынешней западной социологии концепциях, как, скажем, классовая схема Голдторпа, то на проверку они оказываются вполне реальными, что подтверждается не только многочисленными эмпирическими исследованиями: соответствующее разделение в европейских обществах находит свое отражение не только в классово окрашенных коллективных выступлениях (профсоюзные протестные акции), но и весьма распространенной сегодня в Европе взаимной идентификации на основе принадлежности к «белым» или «синим воротничкам» и т.п. С другой стороны, эта ситуация в меньшей степени характеризует восточноевропейские страны, где относительная пассивность социальных групп на фоне резко обострившихся в условиях мирового финансового кризиса проблем социально-экономического характера ставит под сомнение тезис о «классовости» соответствующих обществ. Здесь, однако, стоит подчеркнуть, что формирование «классового сознания» или определение «классовых интересов» лежали за рамками задач, поставленных в исследовании.

Альтернативой конструированию интегрального показателя «классовой ситуации» на основе производных параметров является метод энтропийного анализа, позволяющий эмпирически определить уровень взаимного соответствия (упорядочения) основных характеристик, описывающих классовое положение. Как было уже сказано, современные стратификационные схемы, отражающие альтернативные подходы к анализу социального неравенства, представляют собой процедуры комплексного комбинирования информации о социально-экономическом положении индивидов на основе некоторой системы базовых признаков. Однако системы этих признаков могут быть разложены на элементарные критерии с целью дальнейшей эмпирической проверки их реальной значимости в качестве факторов, влияющих на те или иные параметры «классового положения».

Впрочем, различия в теоретических подходах, доминирующих сегодня в западной социологии, трудно назвать фундаментальными. Причем на уровне операционализации это с легкостью подтверждается результатами взаим-

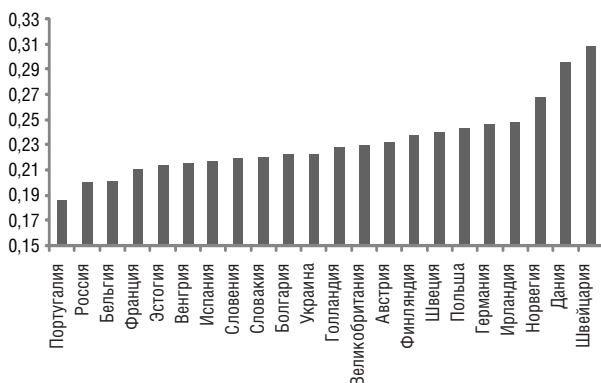
ного наложения рассмотренных стратификационных иерархий: при соблюдении определенных правил можно с легкостью переходить из одной системы классификации в другую. Таким образом, вне зависимости от акцентов, которые расставляют на тех или иных составляющих классовой ситуации различные исследователи, элементарные критерии всегда остаются одними и теми же: это, прежде всего, *отношения занятости*, на основе которых выделяются самозанятые и наемные работники, и *род занятий*, который часто уже на операциональном уровне (напр. в национальных или международных классификациях, таких как ISCO-88) уже включает в себя ряд важных параметров — требуемый уровень образования и квалификации, условия и содержание труда и т.д.

Впрочем, из всего возможного сочетания признаков мое внимание было сфокусировано на, пожалуй, интуитивно наиболее понятной системе измерений неравенства *«род занятий — уровень квалификации/образования — доход»*¹, поскольку, все мы в обычной жизни, как правило, различаем себя по этим трем основным признакам. Причем эта система стратификации является в какой-то степени универсальной для всех современных обществ: с одной стороны, им присущ определенный технико-технологический порядок, порождающий профессионально-квалификационное разделение труда, выраженное в системе профессий и занятий; с другой — в каждом из них воспроизводится и развивается соответствующий институт профессионального образования, обеспечивающий подготовку индивидов для выполнения разных видов деятельности; и, наконец, доход тоже представляет собой важное измерение стратификации как результат функционирования механизма, обеспечивающего распределение материальных благ в обществе.

Таким образом, вопрос заключался в том, насколько в различных обществах размещение индивидов в системе этих измерений является закономерным? Сильны ли в действительности те институциональные связи, которые приводят во взаимное соответствие уровень профессиональной подготовленности людей, уровень их материального достатка и место, занимаемое ими в системе функционального разделения труда?

¹ О технологии исследования и всех методологических нюансах, связанных с обработкой материалов Европейского социального исследования см.: Ястребов Г.А. Характер социально-экономической дифференциации населения: сравнительный анализ России и Европы // Мир России. 2010. №3.

Диаграмма 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СТРАН ПО СТЕПЕНИ НЕОДНОРОДНОСТИ ЗАПОЛНЕНИЯ ПРИЗНАКОВОГО ПРОСТРАНСТВА «РОД ЗАНЯТИЙ – УРОВЕНЬ КВАЛИФИКАЦИИ/ОБРАЗОВАНИЯ – ДОХОД»



На диаграмме 1 отражены результаты, полученные в итоге оценивания критерия H_N (степени неоднородности) для соответствующих пространств¹. Каков итог?

Как видно, строгого соответствия между степенью удаленности стран от ядра капиталистической мир-системы (ядро стран Западной Европы) в действительности не наблюдается. В то же время распределение стран по степени закономерности распределения индивидов в соответствующей системе стратификации («род занятий – уровень квалификации/образования – доход») случайным назвать нельзя.

Как видно, среди стран, демонстрирующих наивысший уровень соответствия между указанными признаками, оказались Швеция, Дания и Швейцария – одни из самых передовых стран старой Европы. Соседство Скандинавских стран не является случайным: по всей видимости, действующая модель социально ориентированного экономического развития на основе соблюдения принципов государства всеобщего благосостояния, которое с определенной долей иронии можно охарактеризовать как «социалистическое», пребывает в большем соответствии с рыночной логикой распределения жизненных шансов, чем в прочих развитых европейских странах.

Согласно представленной диаграмме, Россию, соседствующую с Португалией, характе-

ризует один из наиболее низких показателей H_N , соответствующих высокой хаотичности размещения респондентов в указанной системе координат (0,199)². Это сходство в значительной мере является отражением схожей ситуации на рынке труда в обеих странах, поскольку, очевидно, ни Португалию, ни Россию нельзя отнести к числу стран, в которых этот рынок можно считать развитым. Несколько обескураживающим выглядит, с другой стороны, соседство с Бельгией и, в меньшей степени, Францией, поскольку эти страны в нашей теоретической модели совершенно четко классифицируются как страны, относящиеся к ядру обществ, для которых сильный институт рынка труда является одной из исторически обусловленных черт европейской цивилизации.

Тем не менее, за исключением таких двух, в общем-то, девиантных случаев как Франция и Бельгия, дальнейшие результаты энтропийного анализа не выглядят неожиданными. Остальные бывшие социалистические страны, которые были включены в программу *Европейского социального исследования* – Эстония, Венгрия, Словения, Словакия, Болгария и Украина – тесно расположились в одном узком интервале (0,214–0,222) по степени закономерности распределения респондентов в рассматриваемой системе стратификации. Такое неслучайное соседство можно считать определенным свидетельством институциональной однородности стран, некогда принадлежавших к единому социалистическому лагерю, но в отличие от России сохранивших и воспроизведших в новых социально-экономических условиях те институциональные формы, которые были свойственны им как странам, чье развитие исторически имело больше общего с развитием системы европейских обществ. Одновременно стоит признать, что логика расположения этих стран внутри данной группы, не дает серьезных оснований утверждать, что, например, Украине (0,222), относимой нами к полупериферии этатократической мир-системы, соответствующие черты свойственны в большей степени, чем той же Эстонии (0,214), лежащей на ее периферии. Испания, «затесавшаяся» среди представлен-

¹ Предложенное еще в 1970-е гг. советским математиком И.Н. Тагановым математическое определение степени неоднородности заполнения пространства (H_N), основанное на определении энтропии (H). Смысл следующий: при значениях неоднородности заполнения пространства близких к единице возникающее в пространстве распределение наблюдений принимает неслучайную (т.е. упорядоченную) форму; и, наоборот (т.е. полностью равномерное пространство, что тождественно отсутствию связи между признаками) – при значениях, стремящихся к нулю.

² Само по себе соседство с Португалией не выглядит странным, учитывая и поныне ощутимые последствия жесткого политического режима диктатора Антониу ди Салазара, получившего название «Нового государства» и просуществовавшего в этой стране вплоть до 1968 г. Неудивительное сходство современного российского режима с салазаровским, даже несмотря на то, что со времени ликвидации последнего почти 40 лет назад, не могло не сказаться на сходстве социальной структуры этих стран.

ных стран, в меньшей степени представляется нам случайным примером, поскольку в ее случае действует примерно та же логика, что и с Португалией (подробнее см. ниже).

Пример столь обособленно расположившейся по отношению к прочим постсоциалистическим странам Польши (0,243) в какой-то степени отвечает нашим исходным представлениям: эта страна лежит на самой границе «постсоциалистического» мира и является сегодня органичной частью современной Европы в той же степени, в какой она оставалась рыночной и «диссидентской» по отношению к массе государств, входивших в состав СССР, в середине прошлого века. Общий же взгляд на то, как выстроились по отношению друг к другу страны Старой Европы, ни по одной из своих существенных характеристик не являвшиеся частью этакратической системы, по крайней мере, не вызывает никаких напряжений с точки зрения теоретических сюжетов, которые обсуждались выше.

Таким образом, система координат, применяемая для анализа социального неравенства в развитых западных обществах и, как уже отмечалось, описывающая соответствие доходов, параметров человеческого капитала и социально-профессионального статуса, теряет свою объясняющую способность в странах, условно говоря, тяготеющих к евразийскому цивилизационному ареалу. Другими словами, формирование реальных социальных групп как гомогенных социально-профессиональных образований наименее вероятно в обществах этакратического типа.

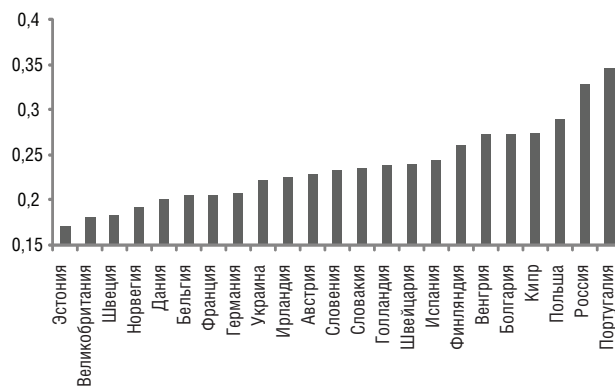
При этом, что любопытно, данная шкала, которая может рассматриваться в качестве своего рода объективной оценки справедливости социального размещения, достаточно хорошо, хотя и не полностью (0,554), коррелирует с тем, как сами люди оценивают адекватность вознаграждений за собственные заслуги и достижения¹.

К сожалению, материалы Европейского социального исследования не дают возможности напрямую определить, в какой степени в характер социально-экономической дифференциации населения европейских стран «вмешиваются» сословные принципы разделения. Впрочем, одним из косвенных индикаторов таковых вполне можно рассматривать степень за-

крытости социально-профессиональных групп, ограничивающих перспективы социальной мобильности.

И здесь, как ни странно, на помощь также приходит энтропийный анализ, поскольку с его помощью также становится возможным определить не просто связь, но наличие определенной закономерности (другими словами, паттернов межпоколенной мобильности) между социально-профессиональными позициями детей, их матерей и отцов. Для анализа использовались укрупненные социально-профессиональные категории по ISCO-88. Обобщенный результат представлен на диаграмме 2.

Диаграмма 2.
«ЗАСТОЙНОСТЬ» МЕЖПОКОЛЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ПОКАЗАТЕЛЯХ НЕОДНОРОДНОСТИ ЗАПОЛНЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА «РОД ЗАНЯТИЯ РЕСПОНДЕНТА – РОД ЗАНЯТИЙ ОТЦА – РОД ЗАНЯТИЙ МАТЕРИ»

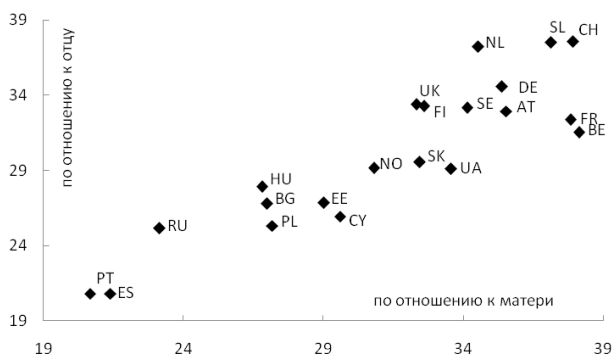


На представленном выше рисунке более низким значениям степени неоднородности H_N пространства «род занятий респондента – род занятий отца – род занятий матери» соответствует более высокая волатильность социально-профессиональных перемещений, и, в обратном случае – отсутствие социально-профессиональной подвижности или, по крайней мере, высокая вероятность воспроизводства схожих траекторий социально-профессиональной мобильности.

Согласно полученным результатам, Россия вновь разместилась не только на крайнем полюсе рассматриваемой оси, но и в «знакомой компании» стран: Португалия, Польша, Венгрия, Болгария. Более общий взгляд на ситуацию позволяет охарактеризовать межпоколенную социально-профессиональную мобильность в постсоциалистических странах, в целом, как относительно менее подвижную, чем в развитых странах Западной Европы.

¹ Опросный лист Европейского социального исследования, в частности, содержал такой вопрос: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: моя зарплата соответствует затрачиваемым усилиям и успехам, которых я достиг в своей работе?»

Диаграмма 3
ИНТЕНСИВНОСТЬ НИСХОДЯЩЕЙ МЕЖПОКОЛЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (В ДОЛЕ РЕСПОНДЕНТОВ, ПОНИЗИВШИХ СВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ПО ОТНОШЕНИЮ К РОДИТЕЛЯМ)¹



Однако выше предложенная интерпретация результатов может быть подвергнута критике с той точки зрения, что менее предсказуемые перемещения в более развитых странах могут быть вызваны значительной «перекройкой» социально-профессиональной структуры соответствующих обществ, которая имела место в связи с переходом к новому постиндустриальному типу экономики. Этот аргумент предполагает сокращение в составе рабочей силы доли представителей таких занятий, которые относятся к низкостатусным (преимущественно ручной труд), и увеличение доли более квалифицированных работников, а также расширение третичного сектора (сектора услуг). В связи с этим логично было бы предположить, что в развитых обществах меньшая закрепленность в социально-профессиональных статусах была обусловлена значительным их повышением по отношению к предыдущим поколениям, для которых были характерны менее статусные виды занятости. Анализ фактических данных, однако, показывает, что это не так (см. диаграмму 4).

¹ Укрупнение профессиональных статусов родителей и респондентов до трех значимо отличных друг от друга социально-профессиональных групп осуществлялось в соответствии со следующей логикой: группы высшей квалификации (управленцы, профессионалы, полупрофессионалы), среднеквалифицированные работники (офисные служащие, работники сферы торговли и бытового обслуживания), работники низкой квалификации (занятые в сельском хозяйстве, промышленные рабочие, представители элементарных профессий). Более подробно см. в приложении 10.

Обозначения: PT-Португалия, ES-Испания, RU-Россия, HU-Венгрия, BG-Болгария, PL-Польша, EE-Эстония, CY-Кипр, NO-Норвегия, SK-Словакия, UA-Украина, UK-Великобритания, FI-Финляндия, SE-Швеция, DE-Дания, AT-Австрия, NL-Нидерланды, FR-Франция, BE-Бельгия, SL-Словения, CH-Швейцария.

Как видно, жители развитых европейских стран гораздо чаще понижают свой социально-профессиональный статус по отношению к родителям, чем представители постсоциалистических обществ, а также двух южноевропейских стран — Испании и Португалии, которые, как было показано выше, демонстрируют определенную специфику по отношению к остальным западноевропейским странам и в связи с характером социально-экономической дифференциации населения. Россия же совершенно четко занимает в числе постсоциалистических стран самое незавидное с точки зрения показателей мобильности положение.

Подведем некоторый итог. На фоне рассмотренных ранее результатов, согласно которым в развитых западных обществах социальная стратификация осуществляется на более меритократических принципах и опосредуется эффективным институтом рынка труда, «застойность» межпоколенной социально-профессиональной мобильности в значительной части постсоциалистических стран не выглядит неожиданной и, по существу, свидетельствует в пользу «сословного» характера их социального неравенства.

В целом, несмотря на существенные продвижения в понимании механизмов социального неравенства, предлагаемые западными социологами концепции, к сожалению, остаются мало применимыми для изучения России. Связано это с тем, что данные теории обобщают опыт изучения социального неравенства в развитых западных обществах, эволюция которых имела определенную логику, отличную от неэволюционного российского опыта радикальных преобразований. Как бы то ни было эти радикальные преобразования, охватившие постсоциалистические страны, представляют собой беспрецедентное явление, заставляющее ученых искать принципиально новые способы изучения и осмысления особых форм возникающего в этих и других обществах социального неравенства. В данной работе обоснована идея, что наиболее уместной теоретико-методологической основой такого анализа может служить концепция реальных (однородных) социальных групп, которая активно разрабатывалась в 1970-е гг. отечественными социологами, однако сегодня, как было показано, также становится предметом обсуждения в западной академической среде. Это продиктовано тем, что современный мир представляет собой крайне неоднородное и к тому же высоко динамичное образование.

Основываясь на теоретическом анализе типа общества, который сложился в современ-

ной России, было введено предположение о том, что это общество, несмотря на радикальные экономические социальные преобразования, во многом остается продуктом прежней институциональной системы. В разных публикациях и у разных авторов эта система получила несовпадающие названия (этакратическая, стейтистская, этатистская и т.п.), однако суть ее сводится к одному — она не является носителем традиций частной собственности, рыночных отношений и прочих черт, характерных для обществ западного типа, развитие которых осуществлялось эволюционным путем. Это обстоятельство является ключом для понимания процессов, происходящих в современной России.

Переход к дуалистической системе социальной стратификации явился едва ли не самым важным компонентом трансформационных процессов в России после коренных изменений в экономических и политических институтах 1990-х гг. Вопреки распространенным представлениям о формировании в России иерархической стратификационной системы, основанной на индивидуальных социально-психологических качествах людей, их «заряженности» человеческими, социальными и культурными ресурсами, в основе социального неравенства в современной России лежит разделение, определяемое местом людей в системе отношений собственности и иерархии властных полномочий. Более того, как выяснилось, социально-профессиональная структура, рассматриваемая некоторыми социологами в качестве одного из ключевых срезов социальной стратификации общества, также не является полностью адекватным отображением социального неравенства.

На основе международных сопоставлений была сформулирована гипотеза о связи характера социальной стратификации общества с типом институциональной системы общества (капиталистической vs этакратической). Это обстоятельство было раскрыто через анализ процессов размещения индивидов в системном признаковом пространстве «род занятий, уровень образования, уровень дохода». В результате этого анализа также удалось установить, насколько уравнены шансы представителей различных обществ, обладающих равноценными индивидуальными качествами, для занятия соответствующих позиций в системе функционально разделенного труда. Показано, что в западных странах сложилась система стратификации, более всего способствующая меритократическому

режиму социальной селекции, что делает применение социально-профессиональных классификаций для ее анализа более обоснованным. Среди стран, демонстрирующих наивысший уровень соответствия между указанными признаками, оказались Швеция, Дания и Швейцария — одни из самых передовых стран Западной Европы. С другой стороны, эта связь слабо проявляется в постсоциалистических странах, и в еще меньшей степени — в России.

Также установлено, что в России в отличие от некоторых постсоциалистических и развитых западных стран, возможности социального продвижения в значительной степени связаны с социальным происхождением индивидов, что свидетельствует о крайне низком равенстве шансов в российском обществе. Опять же, показано, что эта закономерность не случайна и, по всей видимости, связана с типом институциональной системы, лежащей в основе рассматриваемых обществ.

Все выше сказанное наталкивает на очень неутешительные выводы и заставляет задуматься о перспективах того типа общества, который складывается в современной России. Данные о развитии социальных процессов в нашей стране за постсоветский период продемонстрировали, что в условиях трансформационной ломки, в условиях затянувшегося на все 1990-е годы, а в некоторых аспектах и затронувшего 2000-е социального кризиса мобильность в российском обществе носила сильно деформированный характер¹. Ее масштабы были явно недостаточны с точки зрения выдвижения на передние позиции более динамичных и более подготовленных людей. Теоретически можно предположить, что это было связано с реализацией так называемого медитократического принципа социальной селекции, который противостоит меритократическому и связан с консервацией на высших слоях общественной системы лояльных к ней, но не обладающих при этом высокой степенью одаренности и подготовленности членов общества. Следы этой системы с легкостью обнаруживаются в еще недавнем советском прошлом нашей страны.

Вряд ли стоит рассчитывать на то, что нашу страну в ближайшем будущем ожидает коренное изменение системы уже сложившихся социально-экономических отношений. Тем не менее, Россия — не уникальный случай и находится отнюдь не в безвыходной ситуации.

¹ Данные и анализ см. в Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // Общественные науки и современность. 2011. №2.

И если более успешный опыт развития стран Центрально-Восточной Европы во многом был основан на рецептах, которые оказались менее действенными в России, то мы могли бы обратить внимание на успехи, которые за сравнительно короткие сроки были достигнуты такими странами, как Китай, Южная Корея, Сингапур. Огромную роль в модернизации этих стран сыграло государство, которое оказалось способным мобилизовать особый культурный и социальный опыт своего населения не только для достижения высоких экономических результатов, но и грамотного использования этих результатов в интересах всего общества.

Для того чтобы Россия могла осуществить подобный скачок, основой ее государственной политики должна стать поддержка сильных,

жизнеспособных групп населения и защита слабых, неприспособленных, не имеющих достаточных средств для успешного существования в жестких условиях рыночной экономики. Вместе с тем, одним из важных моментов стратегии развития является установка на повышение профессионализма, самоотдачи, проявление инициативы, т.е. тех качеств соотечественников, которые всегда были предметом гордости России и которые могут обеспечить ее возвращение на уровень передовых высокоразвитых стран. Успех реализации интегрированной социально-экономической политики будет предопределяться совпадением перспективных интересов власти и основных наиболее активных групп российского общества.